

Немировичъ-Данченко

Кр

8401
141503
2.1

Великая рѣка

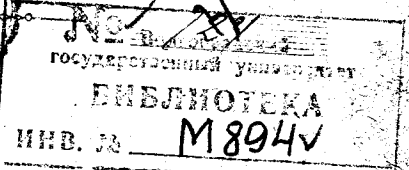
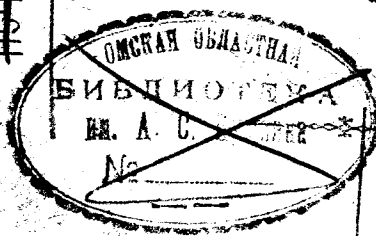
(Картины изъ жизни и природы на Волгѣ).

2461

БИБЛИОТЕКА

ИМПЕРАТОРСКОГО СБОРАНІЯ

- 1—Ужній до развала. 2—Рѣка легенды. 3—Жигулями к Столбичамъ.
- 4—По пути въ Золотую Орду. 5—Царство вѣщеники и зомби.
- 6—Путевыя астралы.

С.-Петербургъ

Издание Л. Л. Сойкина

Книжный Складъ { Книжный Магазины
 Стремнинна, 12 { Мещинна, 96

ЦАРСТВО ВЪШЕНКИ И ВОБЛЫ.

I.

Свайныя постройки на Волгѣ.—Петербургскій чиновникъ и Разинъ бугоръ.

Что это такое?.. Неужели я попалъ въ эпоху свайныхъ построекъ?.. Въ Волгу вдвинулась деревня, избы которой—на платформахъ, подпираемыхъ столбами. Внизу бьются струи, обливая заплеснѣвшія бревна, вездѣ снуютъ лодки, сплошь выдолбленныя изъ одного толстаго ствола. Собаки лаютъ на насъ съ платформъ. На платформахъ горделивые абдуль-азисы пѣтухи устаиваютъ насъ своимъ величавымъ вниманіемъ...

— Что это такое?

— Село—Нижняя Банновка!

Уже потомъ мы разсмотрѣли, что избы здѣсь не на одной только водѣ построены, онѣ вверху и внизу, и на гребнѣ высокаго берега, и въ сочнозеленыхъ логгахъ. Только передняя къ Волгѣ половина села вдвинулась въ рѣку. Въ промежуткахъ между избами и на пристани—яркое, пестрое пятно. Ради праздника, народъ весь въ красномъ кумачѣ, изъ котораго еще рѣзче выдѣляются желтые сарафаны бабъ. Яркіе разводы на платкахъ, какіе-то необыкновенные ситцы, съ громадными, баснословными фруктами, еще болѣе необыкновенная великанша съ совершенно калмыцкимъ типомъ лица. Бабы щелкаютъ сѣмячки, парни топчутся подъ звуки гармоникъ. Какой-то толстый краснорожій кулакъ во всю грудь вывѣсилъ

мѣдную цѣпь, способную удержать на нривязи самаго лютаго замоскворѣцкаго пса, и бахвалится, проходя въ рядахъ дѣвокъ... Но народъ-то, народъ. Парни точно на подборъ, одинъ выше другого. Право, кажется, будь въ Патагоніи король и понадобится ему гвардія, то нижебанновцы съ честью заняли-бы мѣсто между гвардейцами его патагоническаго величества. И на лицахъ—удаль... Видно, что тутъ еще всецѣло живетъ легендарная понизовая старина съ своими разбойничьими преданіями и смѣлыми пѣснями разинской вольницы!

Берега Банновки укрѣплены плотиною, видно, лютейшій врагъ здѣсь—вода. Просто вдоль берега тянется плетень, въ которому привалена земля. Первобытное сооруженіе, вполне достойное эпохи свайныхъ построекъ, придавлено громадными известковыми камнями. Плетни эти вездѣ. Чуть мѣловаго обрыва нѣтъ, чуть понизъ—плетневый валъ тутъ какъ тутъ, защищаетъ отъ напора воды и массы чернаго кизяка, сложенные пирамидами у черныхъ избъ, и черныя избы, окруженные не менѣ черными дворами. Въ общемъ, красиво, оригинально, но не порусски. Не русью пахнетъ!

Народъ рыбу ловить, торгуетъ, гдѣ приведется, хлѣбъ сѣять, да неохотно. Нижнебанновцы любятъ добычливое торговое дѣло; чуть лишній десятокъ рублей—смотришь, запрегъ телѣжку и поѣхалъ продавать да покупать, что приведется.

Незамѣтно, по тихому разливу Волги, пробѣгаетъ парходъ еще пятнадцать верстъ.

— Вонъ Разинъ-бугоръ!

— Гдѣ, гдѣ? — суетится чиновникъ, изучающій, по порученію какого-то департамента, промышленность края... съ палубы парохода.

— Вонъ!—ехидно указываю я ему на противоположный берегъ, гдѣ не только бугра, но и камешка выдающагося нѣтъ, все—ровно...

— Да!.. Скажите, пожалуйста!.. Разинъ-бугоръ... Историческая достопримѣчательность... Это, знаете, все равно

что скалы Роланда въ Ронсевальской долинь. Тогда буграми, значить, назывались—равнины. Какъ измѣняются народныя понятія! И, вынувъ записную книжку, канцелярскій комильфо добросовѣстно вноситъ: «При Разинѣ, волжское населеніе называло буграми совершенно плоскія, заливаемые водою, пространства». Отмѣтка на поляхъ: «доложить особо».

А между тѣмъ, Разинскій бугоръ стоитъ себѣ тамъ, гдѣ онъ и стоялъ. Отдѣленъ онъ отъ ближайшихъ обрывистыхъ береговъ широкими провалами. По словамъ очевидцевъ, на немъ и теперь есть яма, въ которой содержались плѣнные. Сказываютъ еще, что жила въ здѣсь Степанъ Тимоеевичъ въ пещерѣ, обитой бархатомъ, изукрашенной чистымъ золотомъ и парчами драгоценными. Творилъ онъ тутъ судъ и расправу, и глубоко, въ самое сердце народа, западали его дѣянія. Разбойничьи подвиги—въ ореолѣ героизма представляются волжскому люду, твердо помнящему, что, во времена воеводчины да злого рабства, былъ Степанъ Тимоеевичъ, «государственный воръ и убійца», его заступникомъ и мстителемъ... «Эхъ, кабы Степанъ-то Тимоеевичъ объявился, онъ-бы показалъ тебѣ!» укоряютъ они кулака-купца... «Онъ-бы тебѣ живота-то посбавилъ пузатому. Ты-бы у яво поплясалъ подъ плетями-самобитками».

А-то вотъ еще преданіе о Разиновомъ бугрѣ. Стояло на немъ кресло съ слоновою насѣчкою, и сидѣлъ на томъ креслѣ самъ Разинъ, каравулилъ, значить, суда купецкія. Какъ подходитъ которое, такъ и манитъ онъ платкомъ и кричитъ зычнымъ голосомъ, чтобъ дань везли къ берегу. Не послушаютъ: свиснетъ, гарьнетъ, и отколь невозмется двѣнадцать лодокъ съ удалыми молодцами. Съ гикомъ, крикомъ налетятъ добры молодцы, и прощайся купецъ съ добромъ, да и съ головою своею...

II.

Многобашенный берегъ.—Село Никольское.—Камышинъ.

Скоро мы увидѣли вдали устье Большого Еруслана... Откуда уже начинается царство воблы и бѣшенки... Астраханскій край пошелъ, богатый да раздольный, на рыбу добычливый, чужою, не русскою рѣчью обильный. Для всѣхъ-то ты понизовье прикаспійское таровато, отъдается на тебѣ персъ съ евреемъ, кормишь ты армянина да калмыка, только русскому чоловѣку ты земля ордынская—не мать, а мачиха злющая, на покоры щедрая, на работу гонливая, а на ласку да на кормы скуповатая!..

На берегу опять круглыя полуразрушенныя башни пошли. Цѣлыми рядами стоятъ эти точно изъ блага кирпича сложенные выступы известковой породы. Надъ ними словно холмы насыпаны, будто надъ безчисленными башнями купола, зеленые стоятъ, какъ на незыблемыхъ фундаментахъ... Поросли на холмахъ этихъ дубы вѣтвистые, дубовая поросль и, съвозъ каменную кладку башень, прорывается цѣпкими побѣгами и перекидывается съ одной на другую... Мелькаютъ мимо какія-то большія хищныя птицы, свившія себѣ гнѣзда въ бойницахъ этихъ башень, пониже, у самой воды, стрижи возятся тысячами. Точно имъ тутъ царство невозбранное! А тамъ башнямъ конецъ, зато какія-то колонады невиданныя. Не разбросаны онѣ вмѣстѣ, а скучиваются, образуя въ профиль цѣлую лѣстницу гигантскую изъ своихъ верхушекъ... Смотрятся эти сказочныя колонады въ покойную Волгу, и тамъ, въ ней, опять внизъ опускаются такіе-же столпы... Колонады кончились—прямо изъ воды зеленыя шапки деревьевъ зыблются. Сами подъ водою еще—а верхушка вся надъ струями стоитъ цвѣтушая, свѣжая, солнцу божьему радуется...

— Вотъ видите надъ башнями, да колонадами деревьевъ раскидистыя!

— Вижу. Навѣсились, точно въ воду сбѣжать хотѣть.

— Точно. Это — яблонь, карагуча и другія, только отсюда на югъ начинающіяся. Выше мы ихъ не встрѣчали.

Красивыя деревья, точно зеленныя облака приникли къ этимъ бѣлымъ скаламъ и отдыхаютъ на нихъ. Именно, облачныя деревья. Вотъ на высотѣ воздушной пещеры пошли... черныя норы какія! А пойдя по этой норѣ въ глубь — конца ей нѣтъ, хоть недѣлю шлайся, если не заплутаешься по боковымъ жиламъ, да волоснымъ сосу-дамъ этой колоссальной системы норъ и подземныхъ ходовъ.

Вотъ опять человѣкъ оказался. Все безлюдье было, а тутъ сразу налѣво большая слобода Николаевская съ пристанью соляной, а на право, на крутомъ берегу, въ противоположной сторонѣ — Камышинъ, городъ понизовой вольницы, гнѣздо разбойнаго разгула. Весь онъ на крутой берегъ взобрался и разсыпался на немъ, точно до самой маковки дорваться захотѣлось этимъ небольшимъ домикамъ. Съ проведеніемъ грязе-царицынской желѣзной дороги, Камышинъ разомъ упалъ съ высоты своего величія недавняго. А прежде онъ милліона на полтора торговалъ солью, лубками, бичевой, дегтемъ, короче, всеми крестьянскими товарами. Хлѣбомъ онъ такіе обороты тогда дѣлывалъ, что купечеству его надолго еще хватить денегъ тысяченудовые колокола отливать, да храмы божьи, безъ священниковъ, устроить. Правда, купечество это именитое, наживку почуявъ, расползлось по другимъ мѣстамъ, но городъ еще кажется очень красивымъ и богатымъ, хотя это и умирающее богатство. Здѣсь-же бурливо вливается въ Волгу славная разбойничья рѣка Камышинка. Черезъ нее Петръ хотѣлъ соединить рр. Волгу и Донъ. Дѣло это окончилось ничѣмъ. Начальникъ работъ, человѣкъ и по нынѣшнему времени умный и себѣ не врагъ, казенныя денежки прикармливалъ, притомъ вполне благонамѣренно, «поморилъ много солдатъ». Повальный моръ «христолюбиваго воинства» еще-бы ничего, да на несчастіе этого канальныхъ дѣлъ мастера, потре-

бовалось отчетъ дать, отчетъ строгій и мздою не сопровождаемый. Что оставалось ему дѣлать?

Заложилъ онъ
Тройку борзыхъ
Развадчайныхъ лошадей*)

и разогнавъ ее, бросился съ крутого берега въ Волгу. Такъ и мысль о каналѣ была оставлена «безъ послѣдствій». Въ Камышинѣ хотѣлось достать мнѣ донскихъ винъ, благо Донъ подъ бокомъ.

— Есть у васъ цимлянское?

— Есть-съ.

— Настоящее?

— Помилуйте! — оскорбляется моимъ вопросомъ зоркій приказчикъ. — Въ Москвѣ-съ дѣлали!

Расхототался я и въ другой магазинъ пошелъ.

— Есть-съ. Изъ Москвы!

Оказалось, что донское вино сюда дѣйствительно везутъ изъ Москвы, какъ нѣкогда изъ Москвы же въ Саратовъ возили Астраханскую икру!..

Около Камышина начинается царство знаменитыхъ камышинскихъ арбузовъ, которыми въ іюль и августѣ грузятся здѣсь многочисленные досчанники и косоушки. Больше всего растутъ ихъ около Быковыхъ хуторовъ, мимо которыхъ мы проходили вечеромъ, уже плохо различая ихъ дома въ синихъ сумеркахъ.

III.

Разиновское становье. — Дубовскіе укротители своихъ правъ.

На блажьвомъ фонѣ запада черными силуэтами рѣзко выдѣлились избы какого-то села, точно это было продолженіемъ горы, на которой оно стояло. Стальная лента уходящей вдаль рудниковой балки тускло блестя среди

*) Изъ фабричной пѣсни.

черныхъ горъ. Сумерокъ почти не было, день разомъ смѣнился ночью... Отсюда по Волгѣ пошли станицы астраханскихъ казаковъ, сформированныхъ въ 1730 г. изъ трехсотъ мѣстныхъ калмыковъ, окрестившихся. Черезъ двадцать лѣтъ къ нему присоединился разный сбродъ, при Екатеринѣ—нѣсколько городскихъ командъ повелѣно считать тоже астраханскими казаками, наконецъ, въ 1804 году въ число ихъ включили остатки волжскихъ казаковъ, переселенныхъ на кавказскую линію. Теперь уже считается четырнадцать войсковыхъ казачьихъ станицъ.

Между Камышиномъ и Царицыномъ находится «укрѣпленный лагерь» Разина. Расположенъ онъ на ужасно крутомъ холмѣ, между двумя высокими горами, въ 600 футовъ каждая. Холмъ этотъ отдѣленъ отъ нихъ оврагами, позади его прорыто три рва, защищавшіе лагерь съ горной стороны. Волга у Разина становица становится глубока чрезвычайно, она доходитъ здѣсь до 50-ти сажень. На вершинахъ холмовъ были расположены пикеты Степана Тимофеевича.

Ночью прошли мы мимо Дубовки, которая, уже на обратномъ пути, развернулась передъ нами съ своими храмами и затѣйливыми домиками мѣстныхъ купцовъ-богачей. Еще недавно Дубовка гремѣла, но значеніе ея стало сильно подрывать Царицынъ. Замѣчательно, что посада не могла поддержать конножелезная дорога отсюда на донскую станицу Качалинскую. Несмотря на ея удобства, грузы все-таки перевозились на волахъ. Теперь Дубовка замѣтно падаетъ и скоро будетъ известна только красотой своихъ женщинъ, единственнымъ продуктомъ, который не измѣняетъ данному пункту, съ паденіемъ его торговаго значенія. Впрочемъ, дубовскимъ красавицамъ выпала тяжелая участь. Большинство ихъ кончаютъ пансіоны, женскія гимназіи, институты, для того, чтобы выйти за невѣжественныхъ и полуграмотныхъ мужей и попасть, такимъ образомъ, всецѣло въ темное царство ветхозавѣтной купеческой лонки. Мужья

не только не считаютъ ихъ за людей, они запираютъ женъ на замки, уѣзжая, а возвратясь пьяными, тѣшутся надъ ними во всю ширь своей животной природы.

— Жена!.. Супруга!..—реветъ Китъ Китычъ, являясь послѣ двухъ или трехдневнаго отсутствія, въ 4 часа ночи.

Перепуганная и поблѣднѣвшая женщина позазывается въ дверяхъ.

— Зови дочку!

Является та.

— Садись за фортепьяно! Даромъ я вамъ покупалъ, что-ли? Играй! А я спать буду... До утра музыкань!.. Проснись, да не играете—оглушу!

Толстый кунецъ ложится, жена и дочь принимаются за фортепьяно убаюкивать «его благолѣпіе». Сладко снится купечкой душѣ подъ музыку, за то несчастные чуть съ погъ не валятся, когда самодуръ проснется и снова принимается запивать, уже съ похмѣлья.

Говорять, и теперь положеніе дѣла не измѣнилось. Дубовская красавица—раба и раба безответная.

IV.

Царицынъ и Сарепта.

Ночью мы прошли мимо большой рѣки Золотой орды, Ахтубы... Теперь течетъ она, молчаливая, черезъ Царевскую и Красноярскую степь, на 300 верстъ. Это, собственно, протокъ Волги, но его почему-то принято называть отдѣльною рѣкою. За то нѣкогда здѣсь кипѣла ключемъ полудикая жизнь, вокругъ ханскихъ ставокъ толпились представители подвластныхъ монголамъ народовъ, крики и шумъ оглашали безжизненные нынѣ пустыни... Теперь только чайка-мартышка пронзительно кричитъ надъ этимъ безлюдьемъ, да баба-птица цѣлыми стаями осѣла на темныхъ берегахъ, ловя рыбу, промышляя, по мѣстнымъ выраженіямъ.

Еще шире и привольнѣе становится Волга, еще роскошнѣе ея разливы... На гребнѣ нагорнаго берега цѣлая масса домовъ, бѣлыя колокольни церквей... Шумъ и движеніе всюду... Тысячи судовъ у берега, свистки пароходовъ, пересѣкающихъ Волгу, и куда ни взглянешь, вездѣ лодки рыболововъ... Толпы народа работаютъ на пристаняхъ, еще болѣе многочисленныя копошатся дальше, надеваясь надъ какимъ-то, повидимому, тяжелымъ трудомъ. Все это подъ солнцемъ. Жара, несмотря на то, что еще утро — ужасная. Видно, что Астрахань близко... Это — богатѣйшій городъ-купецъ, Царицынъ. Старая часть города, что лежитъ подалеже — совершенная противоположность, тамъ все вѣетъ давнею быльск. Дома стоятъ молчаливыя, и неподвижно глядятъ изъ нихъ какія-то старческія лица; стѣны облупились; словно развалины — дряхлыя храмы. Точно рядомъ съ толпою смѣляхъ и сильныхъ юношей, еще держится подслѣповатый старикъ, немощно опираясь на клюку... Тѣмъ задорнѣе и неудержимѣе кажется дѣятельность новаго города, гдѣ, что ни огню, то лавочка, что ни домъ, то кабакъ. Надъ нѣкоторыми кабаками развѣваются флаги. Неужели здѣсь они пользуются правами самостоятельныхъ державъ? Надъ однимъ я видѣлъ даже бразильскій флагъ.

Берега Волги отъ Царицына измѣняются значительно. Горы сглаживаются, точно къ водѣ прилечь хотятъ, скоро и совсѣмъ пропадаютъ; на низменностяхъ и островкахъ избушка изъ плетня съ плетеными-же воротами. Это даже не избушка, а такъ, какое-то логовище. Ютятся здѣсь одиночки рыболовы, все лѣто коротая на добромъ промыслѣ. Лѣвый берегъ еще зеленъ, за то правый становится глинисто-песчанымъ. Лѣса въ водѣ плаваютъ. Разливъ еще во всей своей силѣ, и ериками, и озерами разбросалъ вездѣ свои голубыя глади, на которыхъ то лодочка вырѣжется, то плотикъ покажется съ рыболовомъ на немъ. Но всего красивѣе осоковъ. Вотъ, напримеръ, широкій разливъ Волги — а по самой серединѣ серебристыя тополи и всѣ въ одинъ рядъ... Въ межень,

значитъ, здѣсь узкій мысокъ ляжетъ. Вообще, куда ни взглянешь — затопленный лѣсъ стоитъ, куда ни оглянешься — чуть высвободился отъ разлива влочесть зеленого пролѣска — плетневал, ничѣмъ не мазаная избушка ютится.

И не вѣришь, что это Волга... Гдѣ ея крутые яры, гдѣ ея лѣсистыя горы, бѣлыя скалы?.. Гдѣ села, что надъ ярами, словно поволжскую даль высматривая, выбѣгаютъ... Все гладко... Зелено, пустынно. Въ межень здѣсь скверно. Всюду длинными языками, пролетами, да островками песчаными лежатъ желтыя мели. Въ другомъ мѣстѣ — вода желтѣетъ — мелко. Только и слышится: «стой... тихій ходъ... задній ходъ...» и медленно идутъ здѣсь пароходы, мѣрая передъ носомъ капризное и опасное дно Волги...

Цвѣтами пахнуло до того, что и не надынешься... Эко ароматъ благодатный; розы это что-ли курятся по вѣтру точно зажженные кадилы...

— Сарепта близка, сказывается! — замѣчаютъ гдѣ-то.

Вся даль отсюда заставлена шапками и облачными округликами деревьевъ. Сарепты не видно вовсе, она въ сторонѣ, съ парохода, пожалуй, только сады ея различишь, да виноградники, которые мѣстными колонистами начинаютъ разводиться все больше и больше. У пристани — толпа нѣмцевъ. Все это выбрито, всѣ въ жилеткахъ съ металлическими пуговицами, въ какихъ-то синихъ узкихъ штанахъ. Не русское, чуждое... Кому нужно, тотъ запасается здѣсь сарептскимъ бальзамомъ и сарептскими пряниками!.. Изъ-за низменныхъ острововъ выплываютъ паруса и мачты рѣчныхъ судовъ, проходящихъ рукавами Волги въ сторонѣ отъ насъ... Тутъ уже Каспій чувствуется. Хотя и далеко, а нѣтъ — нѣтъ и пахнетъ морскимъ вѣтромъ, запахомъ моря и водорослей... Рѣчныя волны тутъ до того бываютъ сильны, что качка въ бурю не уступаетъ морской. Когда вѣтеръ разводитъ волненіе, даже большія суда уходятъ къ берегу отстаиваться. Особенно трусятъ этого большіе пароходы аме-

риканскаго типа, къ крайнему удовольствію пассажировъ, потому что гораздо лучше простоять нѣсколько часовъ, чѣмъ испытывать на Волгѣ—морскую болѣзнь. Мелькаютъ далекіе низменные берега; пустынно и глухо становится, но эта пустыня и глушь еще ближе говоритъ сердцу, чѣмъ оживленіе и суета только что пройденныхъ населенныхъ береговъ Волги. Изрѣдка только, словно крыло ласточки, заполочется вдали парусъ одинокой косоушки или пароходъ пробѣжитъ, оставивъ длинную полоску сѣраго дыма...

Я не буду останавливаться теперь на очеркѣ Сарепты и другихъ гернгутерскихъ колоній этой части Волги. Въ особой книгѣ и въ свое время имъ будетъ отведено мѣсто, точно также, какъ и быть калмыковъ послужить матеріаломъ для послѣдующихъ очерковъ, гдѣ будутъ описаны мои поѣздки въ калмыцкіе хурулы и монастыри. Теперь же только ограничусь замѣчаніемъ, что, начиная уже отсюда, русскій элементъ на Волгѣ мало по малу уступаетъ инородческому. Иногда на одной и той же пристани толпятся и нѣмцы-колонисты, и калмыки, и киргизы, и случайно попавшіе казаки, и армяне, и персы, въ своихъ высокихъ шапкахъ. Не знаешь, куда смотрѣть, на чемъ остановиться,—точно на этнографическую выставку попалъ. Прибавьте къ этому оригинальную пестроту костюмовъ и лицъ, между которыми только изрѣдка мелькаетъ русая бородка и открытое сѣроглазое лицо здороваго и бойкаго нижегородца, попавшаго сюда по торговому дѣлу... Говоръ, въ которомъ голову потеряешь, и нѣмецкая шипящая фраза, и гортанный калмыцкій выкрикъ, и мягкая пѣвучесть перса, и рѣзкій, но звучный армянскій языкъ... Все это мѣшается въ одну толчею, на которой точно, пузыри на водѣ, вскакиваютъ и лопаются трех-этажныя, весьма непочтительныя, выраженія, точно знаменуя, что не все же здѣсь инородцы, что и русскіе тутъ чувствуютъ себя какъ нельзя лучше.

— Эй вы, азія!—оретъ мужичекъ на солидныхъ персовъ.

— Самый необразованный народъ! — неодобрительно стодвигаетъ онъ зазѣвавшагося армянина.

— Астраханское царство пошло!..

Тутъ уже не цвѣтами запахнетъ, нѣтъ нѣтъ да и потянетъ ароматами воблы, точно кто-то ворвань разлилъ на воздухъ. Сначала и противно, а потомъ ничего. Обтершись, и даже пріятель становится этотъ, если такъ можно назвать, щекочущій нервы запахъ соленой и сушеной рыбы. Знаешь, что попалъ въ край бѣшенки и воблы, и миришься съ этимъ поневолю. Деревня выдвигается вдали, впередъ убѣжденъ, что только поближе подойдемъ къ ней, сейчасъ вобла дастъ знать себя. Вотъ, напримѣръ, село показалось надъ курганомъ. Издали точно кто-то пальцы на горизонтѣ растопырилъ—нѣсколько мельницъ, а дамы уже въ каюту бѣгутъ. Вобла, видите ли, обижается. А чего ей и не пахнуть?

— Самая духовитая рыбка! — восхищается крестьянинъ около. — Рыбка, будемъ такъ говорить, самая откровенная, потому издали сама себя объявляетъ, и скусная же!..

Мнѣ, разумеется, какъ человѣку, привыкшему къ архангельской трескѣ и мурманскимъ жиротопеннымъ заводамъ, никакіе запахи не рѣдкость, потому и «духовитая» рыбка согнать меня въ каюту не могла.

Къ пароходу не подошла, а подлинно подлетѣла, словно ее крылья несли, длинная остроносая лодка, по фигурѣ своей ужасно напоминающая стерлядь. Швырнули канатъ гребнямъ, на лету тѣ перехватили его, хотя волны лодку стоймя ставятъ и съ гребня на гребень швыряютъ, точно играя. Иной разъ конецъ каната летитъ прямо въ лицо гребцу, тотъ и не посторонится. Не успѣетъ долетѣть, какъ перехватитъ его и моментально причалитъ къ пароходу. И гребутъ чудно, не по воложски. Только и видно блескъ весель да брызги воды. Самая разбойничья гребля, должно, отъ Стенькиныхъ временъ осталась, свидѣтельствуя о старой поволжской удали. Взяли пассажира на лодку. Моментально блеснуло въ воздухъ окованное желѣзомъ рулевое весло, еще мигъ — и лодка уже какъ